

18+

Бэлла: По Ту Сторону Лая



Голоса Внутри
ЛАНА СТЭЙСЕК

Лана Стэйсек

**Бэлла: по ту сторону лая.
Голоса внутри**

«Издательские решения»

Стэйсек Л.

Бэлла: по ту сторону лая. Голоса внутри / Л. Стэйсек —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-691871-9

Это не просто история о животном и не детская сказка. Перед вами — драматический роман, основанный на реальной истории собаки автора. Это глубокая психологическая реконструкция жизни, где факты из биографии Бэллы и её спасения из приюта Orphans of the Storm переплетаются с философскими размышлениями о памяти души. Через мысли Бэллы автор обнажает человеческие состояния, показывая, как часто мы усложняем простое и боимся того, что на самом деле является нашей силой.

ISBN 978-5-00-691871-9

© Стэйсек Л.
© Издательские решения

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Посвящение | 6 |
| Об авторе | 7 |
| Пролог | 8 |
| Авторская ремарка | 10 |
| Семейная хроника хвостов | 12 |
| Глава 1. | 14 |
| Глава 2. | 16 |
| Глава 3. | 18 |
| Глава 4. | 21 |
| Глава 5. | 24 |
| Глава 6. | 26 |
| Глава 7. Начало | 29 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 30 |

Бэлла: по ту сторону лая Голоса внутри

Лана Стэйсек

Редактор Виктория Лакбильд

Дизайнер обложки Наталья Еремина

© Лана Стэйсек, 2026

© Наталья Еремина, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0069-1871-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Лана Стэйсек сумела полностью

первоплотиться в Собаку,

чтобы написать пронзительную историю

о поиске настоящего дома —

– где нас любят и ждут».

(ТОП-Новости Культуры. Culture.Top)

«Истинная человечность в людях

проявляется в том, как мы относимся

к нашим братьям меньшим.

«Бэлла: по ту сторону лая» – это путь

сострадания и любви.

Собачья душа – самая чистая,

собачья верность – самая крепкая,

собачья правда – не позволит предать

в самом себе Человека».

(Маргарита Пальшина, писатель, журналист,

лауреат российских и международных премий)

Посвящение

Эта книга посвящается Брук, дочери моего мужа, которая десять лет назад написала свою первую книгу и с гордостью показала её всей семье. Даже не подозревая об этом, именно тогда она зажгла искру, вдохновившую меня на собственные истории.

Джорджи Бою, её собаке – первой собаке, которую я когда-либо осмелилась погладить, и с которой начался мой путь к доверию и принятию.

И, наконец, Бэлле – не последней по значению, а последней потому, что именно в ней всё завершается. Её жизнь с нами была подарком, а её голос – сердцем этой книги.

Это не просто история собаки и не просто воспоминания. Это книга про тех, кто «между». Между взрослыми разговорами и детским доверием. Между укусом и объятием. Между тем, чтобы сдаться, и тем, чтобы остаться. С хвостом или без.

Бэлла не герой и не плюшевая грелка. Она – бывшая приютская. С улиц, из поддонов, из мест, где не живут, а держатся. Она знала, что значит быть невидимой. И знала, каково это – когда вдруг замечают. Когда берут на руки. Не обещая. Просто потому, что больше некуда. И всё меняется.

Её голос – собачий снаружи, человеческий внутри – проводит параллели.

Между тем, как подростков «дрессируют» под взрослых, и как собак ломают, чтобы сделать «удобными». Между тем, как нас учат быть хорошими, и тем, что остаётся от желания быть собой.

Она не осуждает. Не учит. Просто говорит, как есть: через лай, через запах железа, через память, которую не выключишь.

Почему 15+? Потому что это возраст, когда чувствуешь глубже, чем сумеешь высказать. Когда всё настоящее, но никто не верит. Когда мир требует взрослого поведения, но не даёт времени повзрослеть.

Эта книга не инструкция и не утешение. Это признание. Изнутри. Из будки. Из паузы между словами. Чтобы кто-то понял: даже если ты весь перекошенный от боли – ты всё равно есть. Живой.

С иронией, с грязью под когтями, с голосом, который не привык просить. Это не слёзы. Это хрип. Это взгляд снизу вверх – не из покорности, а потому что другого ракурса нам не дали.

«Бэлла: по ту сторону лая» – это история тех, кого не сломали.

Не героев. Не счастливых. Просто тех, кто не исчез. Кто знал страх, голод, одиночество – и всё-таки остался. Чтобы однажды заговорить. И чтобы тебя, такого – с лаем, болью и шрамами – наконец услышали.

Об авторе

Лана Стэйсек не пишет, чтобы понравиться. Она пишет так, будто сдирает кожу со старых ран – своих и чужих. Это её третья книга. Но сейчас – не о ней. Сейчас – о её собаке.

Если бы собаки писали мемуары, это, наверное, звучало бы именно так. Глухо, резко, с паузами, в которых прячется то, что не скажешь вслух. Не о шерсти и поводках – а о страхе, верности и выживании. И о том, что тишина тоже может быть голосом. Если вслушаться.

Книга-зеркало: треснувшее, запачканное, не слишком красивое, но честное. Зеркало, в котором подросток вдруг узнаёт себя. Или тот, кто сидит в углу, делает вид, что не слушает, а на самом деле слышит всё.

Бэлла – не «питомец» и уж точно не «милая». Она – бывшая приютская, упрямая, громкая, уставшая от того, что её не замечали. Но её история – не только про собаку. Она о том, что значит быть потерянным, отодвинутым в сторону, почти невидимым. А ещё – о людях. Особенно о тех, кто живёт «между»: подростках, которым слишком рано говорят «будь взрослым», но не дают права на настоящие чувства.

Эта книга не будет читать вам нотации и не будет нарочно выжимать слёзы. Но она может заставить улыбнуться. Может напомнить, что вы не одни. Может показать, что даже самый тихий голос достоин быть услышанным.

«Бэлла: По Ту Сторону Лая» – для тех, кого когда-то оставили. Для тех, кто слишком долго молчал. Для тех, кто всё ещё ищет свой дом.

Это не грустная история. Настоящая.

И, может быть, напоминание: опускать руки ещё рано.

Пролог

Если ты держишь в руках эту книгу – или любую другую – это уже значит одно: ты читаешь. А если читаешь, значит, умеешь думать. А там, где появляется мысль, человеком уже труднее управлять, труднее заставить жить по чужим правилам и гнаться только за тем, что продаётся. Чтение делает нас неудобными для общества потребления, потому что мы начинаем выбирать не только вещи, но и смыслы. Именно поэтому культура так ценна: она возвращает то, что делает нас людьми, и не даёт превратиться в безмолвное стадо.

Это не история для умиления. Здесь нет ни плюшевой шерсти, ни смешных ушей, ни картинки для обложки. Это взгляд снизу – из будки, из клетки,

с того уровня, где слышишь всё, но тебя саму никто не слышит. Это история о выживании. О страхе, который перестаёт трясти тебя, потому что дрожать уже бесполезно. О боли, которую прячешь за молчанием, потому что не веришь, что кто-то придёт.

О надежде, которую закапываешь так же, как собака прячет кость, – глубже и дальше, чтобы её не нашли и не отобрали.

Да, у меня был хвост. Но если кто-то думает, что это делает меня «другой», значит, он просто смотрит невнимательно. Мы слишком похожи. Разница только в языке: вы говорите словами, мы – тишиной. Мы не спорим с теми, кто держит поводок, не потому что согласны, а потому что давно поняли: спорить бессмысленно. Но мы видим. И однажды заговорим. Если не голосом, то этой книгой.

Можно подумать, что эта история предназначена для подростков. В каком-то смысле это так. Именно они застревают между детством, где ещё можно плакать, и взрослостью, где уже нельзя. Между криком и молчанием. Между «мне больно» и «мне всё равно». Их либо спешат воспитывать, либо пугаются их правды. Их чувства списывают как «переходные», их молчание называют капризом. Они мешают взрослым так же, как мешают собаки: слишком живые, чтобы их игнорировать, и слишком непонятные, чтобы принять. Но на самом деле эта книга не только для них. Она для всех, кто ещё умеет чувствовать. А способность чувствовать никак не связана с возрастом.

Книга обращена и к взрослым, которые однажды потеряли в себе что-то важное и научились жить дальше с этой пустотой. К родителям, которые говорят детям «не выдумывай» только потому, что сами когда-то не справились со своей болью. К тем, кто не умеет обнимать, потому что их самих никогда не обнимали. К тем, кто хотел бы помочь, но не знает как, потому что их никто не учил слышать молчание. Эта книга не инструкция и не руководство. Она – зеркало. И если однажды в отражении ты увидишь не того, кем привык себя считать, – не отворачивайся. Это шанс. Не спасти других, а спасти себя.

Это не дневник жалости и не сладкая сентиментальность для умиления. Это наблюдения – жёсткие, честные, местами колючие. В них есть ирония, потому что без неё не выжить. Есть боль, потому что без неё нечего рассказывать. Есть сарказм, потому что иногда это единственный способ держать дистанцию, когда слишком близко – больно.

Я – Бэлла. Когда-то собака. Но эта книга не обо мне. Она о вас. О людях, которых я видела своими глазами – глазами существа, которое слишком долго молчало, но всё чувствовало. Я знала: рука, что гладит, может и ударить. Слово, что согревает, может исчезнуть. А взгляд, полный тепла, – отвернуться. Я не метафора. Я – голос тех, кто всегда рядом, но остаётся невидимым.

Мне было уже восемь, когда меня забрали из приюта. Восемь лет – и ни одного дня настоящего моего. Одни люди сменялись другими, клетки, коробки, перекрёстки... Я существовала, но не жила. Всё это было скорее черновиком, чем настоящей историей.

А потом началась жизнь. Настоящая. Она длилась ровно пять лет, один месяц и три дня.

Или, если считать по-другому, – 61 месяц.

А если ещё строже – 1 861 день.

И каждый из этих дней был моим. Со своей семьёй. С диванами, подушками, прогулками, с запахами, которые навсегда вьелись в память. Это были дни, когда я наконец принадлежала, а не «подходила» или «не подходила». Дни, которые стали дороже всех прожитых до них лет.

Я ушла 5 декабря 2018-го. И это не было красивым или героическим финалом. Мы боролись не за славу, а за дыхание – за то, чтобы хотя бы одна смерть в этом мире случилась не от одиночества. Последние минуты были тихими. Со мной был Роберт – твёрдый, как камень. И Лана – дрожащая, но не отступившая. Он молчал, но остался. Она боялась, но держалась рядом. И тогда я поняла: всё это было не зря.

Потом пришла тишина. И вместе с ней – новое дыхание. Я вернулась щенком: нелепая, мягкая, смешная. Люди думают, что всё началось заново. Но я помню. Вкус ржавой воды. Шорох крыс в темноте. Холод и пустую миску. Я помню, как умирала. И как не сдалась.

Я хрюю больше памяти, чем полагается собаке. Потому что память живёт не только в голове – она в теле, в запахах, в жестах. В том, как ты вздрагиваешь от звука миски или ищешь глазами дверь даже в самом тёплом доме.

И нет, это не какой-то эзотерический рассказ про «реинкарнацию». Никаких свечей, кристаллов и мантр. Это то, что может случиться с каждым из нас. Просто жизнь иногда берёт паузу, а потом внезапно продолжает с другой строки.

Я не верила в перерождение. Теперь верю. Но не как в «новое начало». А как в продолжение – чуть более смешное, чуть более светлое, но всё же моё.

Если ты читал «Голоса внутри», то уже знаешь эти щели, где пробивается свет сквозь темноту. Если нет – ну, значит, слушаешь мою версию. Там – всё по-человечески, а здесь – по-собачьи. И, если честно, в этом вся разница: мы лаем громче, но зато честнее.

Я помню больше, чем должна. Тело хранит запахи и холод, уши – звуки, лапы – шаги по асфальту. Люди думают, что память живёт в голове. Нет. Она живёт в тебе целиком. И когда вдруг приходит тишина, ты понимаешь: всё это – твоё.

И боль, и смех, и диван с подушками.

Так что не ищи здесь морали. У меня её нет.

У меня есть только история. Моя. Со всеми её смешными перекосами, со всеми дырками и латками. История про то, как я существовала – и как наконец-то стала жить.

И, может быть, это и есть всё, что стоит знать.

Авторская ремарка (потому что кое-что заслуживает отдельной страницы)

Приют, о котором упоминается в этой книге, – не выдумка. Он существует на самом деле. И, честно говоря, он почти легенда.

Всё началось ещё в 1928 году – да-да, задолго до TikTok, айфонов и даже телевизоров. Женщину по имени Ирен Касл, звезду сцены и кино того времени, не устроило просто стоять на красной дорожке. Вместо этого она создала место, где могли найти приют те, кто остался ни с чем – брошенные собаки и кошки.

Она назвала его Orphans of the Storm – «Сироты шторма» – в честь старого фильма про двух сестёр, пытающихся выжить в жестоком мире. Символично, правда?

Потом случился пожар (а как же без этого в 30х?). Но Ирен не сдалась. Приют восстановили. Потом расширили. Годы шли, и другие сильные женщины продолжали её дело. Кто-то построил кошачьи комнаты, кто-то добавил дорожки для прогулок с собаками. Даже придумали, как можно сначала «погулять» с собакой в лесу, чтобы понять – твоя или не твоя. Никаких допросов. Просто – знакомство.

Сейчас, спустя почти сто лет, приют Orphans of the Storm продолжает работать.

Он находится в пригороде Чикаго, в штате Иллинойс, на девяти акрах зелёной территории – это больше шести футбольных полей. Там есть и закрытые, и открытые вольеры, уютные зоны для кошек и люди, которые запоминают каждую кличку и каждое «прощай».

Через него уже прошло больше 150 000 животных.



А теперь – главное. Эта книга – не про приют. Но именно там началось наше «навсегда». Там мы впервые встретили Бэллу. И с той встречи всё поменялось.

Мы забрали её в декабре 2012-го. И оказалось, что она – не просто собака. В приюте она давно стала местной легендой: звезда офиса, гордость сотрудников, любимица волонтеров, школьников на экскурсиях и даже курьеров, которые заглядывали ненадолго. У каждого, кто приходил, почему-то оказывалось в кармане лакомство именно для неё. И, конечно, устоять она не могла.

Она была любима так сильно, что стала чуть избалованной. С царской походкой, важностью в каждом шаге и... ну да, с лишним весом, который явно не брался из воздуха. Но это было не капризом, а наградой. Она заслужила свою мягкость и внимание к себе.

А когда она пришла домой с нами, то принесла куда больше, чем можно унести на четырёх лапах. Она принесла ощущение тепла, уверенность, умение быть значимой – просто потому что она есть. Не стараясь, не притворяясь. Бэлла умела занимать пространство сердцем, а не только хвостом.

Она прожила с нами до 5 января 2018-го года. И когда ушла, то унесла с собой кусочек каждого из нас. Пустоту, которая не заполняется ничем, кроме памяти.

Эта книга – о ней. Не сбоку, не фоном, не «как у всех». Бэлла – главный герой. Её взгляд, её история, её молчаливая, но абсолютно ясная правда – в каждой главе.

Часть этой книги – её. Часть – наша. И ещё одна часть – тихая, тёплая благодарность тому месту, которое принято называть приютом. Для нас оно стало не концом, а началом. Той самой точкой, где чужое стало родным.

Семейная хроника хвостов

В 2014 году к нам попал Джетт Ли, ему было шесть – крошечный чихуахуа размером с буррито, но с характером байкера. Он обожал путешествовать. Спал, как король, на гостиничных кроватях, в машине всегда занимал лучшее место, а при виде чемодана устраивал демонстративные протесты. Аэропорты он ненавидел всей душой, зато приключения были его стихией. Он был маленьким, но места занимал много – и на подушке, и в нашей жизни.

Необычным его делало не только бравата, но и то, как он принимал всех, кого мы потом приносили в дом – собак, котов, даже людей. Никакой ревности, никакой борьбы за внимание – только тихое, без слов: *«Если они твои, значит, и мои тоже»*. Для чихуахуа это почти святость.

Он был с нами до 2023 года. Последние два года стали для него настоящей борьбой – печень отказывала, тело постепенно предавало его. Но он держался с какой-то тихой смелостью, будто каждый лишний рассвет стоил усилий. Почти два года он оттягивал то, что ветеринар называл «неизбежным», вырывая у жизни ещё немного времени рядом с нами. А потом однажды он отпустил и ушёл за Радужный мост. Без драмы, без шума – так же, как жил: маленький по размеру, но огромный по присутствию.

В 2018-м появился четырехлетний Йода – бостонтерьер с такими ушами, что у них, кажется, была собственная система прогноза погоды. Одно ухо – как радар: всегда наготове. Мы сами дали ему имя – потому что он и правда напоминал мудрого Йоду из Звёздных войн: спокойный, собранный, внимательный.

Он перенёс операцию на глаза, мужественно справлялся с болезнями. Но в 2025-м начались неврологические проблемы. И в этот раз он не смог побороть. Он ушёл тихо. Так же, как жил. Без суеты. Просто – мирно. Некоторые собаки лают тебе в душу. Йода просто вошёл. И остался.

2019-й. Сначала я приглядела маленькую чихуахуа – двухкилограммовую крошку, у которой даже лай был на шёпот похож. Такая вся: *«забери меня, я влезу в карман и исчезну, когда надоем»*.

Но она была уже кем-то зарезервирована. Кому-то, значит, нужнее показалась. А эта – Лекси – выла, как пожарная сирена, скакала по вольеру так, будто пытается прорваться обратно на Кавказ. В прямом смысле выпрыгивала из-за решётки. Я боялась подойти. Серьёзно, не «ой, страшно», а так, что сердце чуть не ушло в пятки. Но работница приюта – уставшая женщина с таким лицом, будто сама лет десять провела в клетке, говорит: *«Возьми её на руки»*. Я – «нет». Она – «возьми». Не всунула, нет. Просто поставила так, что убежать уже было некуда. И вот я держу эту лохматую сирену на руках, а она... Она меня обнимает. Своими собачьими лапами за шею. Как человек. Без нытья, без дрожи – просто обнимает. Не просится. Не вырывается. И в эту секунду муж, не дожидаясь ни моего согласия, ни озарения, поворачивается и говорит: *«Я пошёл заполнять бумаги»*.

Так в семье появилась годовалая Лекси – миниатюрная папильонка весом в два с половиной кило и с характером льва. Она до сих пор патрулирует дом, как будто у двери – должник. Ей сейчас шесть.

А в 2022-м к нам пришла Мия. Ей уже девять. Снова чихуахуа – но ей об этом лучше не говорить. Она уверена, что родилась овчаркой. Лает как по уставу, охраняет как спецназ, а выглядит при этом как мультяшка.

О ней – отдельная глава в «Голоса внутри: Жизнь до и после».

Ещё у нас есть Генри. Не из приюта. Он достался мне бонусом к картине, которую я купила летом 2015-го у случайной женщины. Пришла за полотном, а увидела кота на диване. Сидит и смотрит так, будто жизнь давно потеряла к нему интерес, и шипит на всех подряд. Женщина сказала: хозяйка умерла, коту девять лет, и никто не знает, что с ним делать – все

его бояться. Мы поначалу тоже. Но оказалось, это у него такая фишка: показательное шипение. Прошло десять лет, Генри уже девятнадцать, а он всё так же шипит. Зато теперь это семейный бренд.

Почти все они пришли из Orphans of the Storm.

И это не просто книга о спасении. Это история о том, как мы думали, что спасаем их – а в итоге они спасали нас.

О любви, которая приходит тихо, остаётся упрямо и переворачивает жизнь. Навсегда.



Глава 1.

Там, где мы были вместе

Мне кажется, я помню не само чувство, а его слепок – мягкость, влажность, тепло, как будто тебя окутывает живое одеяло, в котором нет углов и пустот. Внутри – общее тело, общее дыхание, общий ритм. Нас было много, но мы были как одна плоть, одно море, где каждая капля растворена в остальных и не знает, что такое «я» и «они».

Всё происходило без усилия: просто дышать, просто быть, просто плыть в этом тихом тепле, где даже время не имеет начала и конца. Там не существовало одиночества, страха, выбора. Мы были до всего этого. До имён, до слов, до боли.

Снаружи что-то вибрировало – звуки, приглушённые, будто доносящиеся сквозь толщу воды. Два, может, три голоса. Иногда тихий шёпот, мягкий, почти ласковый. Иногда резкий окрик, будто кто-то рвал воздух руками. Иногда ссора, в которой каждый звук был как укус. Мы слышали, но не понимали.

То был другой мир, который существовал где-то за пределами этой мягкой темноты. Мир, в который мы ещё не вышли, и о котором ничего не знали. Я верила – правда верила – что он окажется таким же тёплым, только с глазами, с руками, с тихими словами, которые накроют, как мягкая ткань. Что нас поднимут, прижмут к себе, назовут по имени.

Но вместо этого всё закончилось резко, как если бы тебя вырвали из сна, содрали кожу и оставили под ярким, невыносимым светом. Нас вытащили – грубо, быстро, без осторожности. Как что-то ненужное, как помеху. Никаких рук, которые держат, никакого «добро пожаловать». Только холод, режущий глаза свет, громкие чужие звуки и чувство, которое не умеешь описать словами, но которое узнаёшь мгновенно: нас здесь не ждали.

Кто-то исчез сразу. Тогда я не понимала – куда. Теперь знаю. Теперь я знаю, куда деваются щенки. Их не отправляют в лучшее место, как любят рассказывать. Их убирают. Прячут, отдают, выбрасывают. Потому что больные. Потому что слабые. Потому что на них нет времени, денег, терпения. Или попросту не считают, что они вообще могут чувствовать. Считают лишь телом. Писком. Не эмоцией, а шумом. И я всё чаще думаю: с человеческими детьми бывает так же? Их тоже можно «не заметить», «не оставить», стереть из жизни, как будто их не было? Если всё начинается одинаково – тепло, тесно, общее дыхание – то в какой момент оно рвётся, и кто решает, кто останется, а кто исчезнет?

Иногда исчезают все. Но нас троих оставили. Почему – я не знаю. Может, мы ещё не успели заболеть. Может, кому-то было лень нести больше. А может, нужно было алиби: «вон, трое выжили, значит, не всех». Нас отодвинули, но не стёрли. Мы остались. Но уже не были одним телом, как раньше. Страх разрезал нас быстрее, чем любой нож: мы перестали слышать друг друга, перестали дышать в одном ритме. Только визг, писк, судорожные движения лап, холод, от которого не укрыться, не прижаться друг к другу. Мы ещё не умели понимать, но уже чувствовали: так начинаться не должно.

Я думала, что родилась, когда открыла глаза. Но это было не рождение. Рождение случилось позже, когда я впервые поняла, что всё не так, как должно. Думала – будет рядом, а стало отдельно. Думала – будет тепло, а стало остро и чуждо. И вот в этой щели между ожиданием и реальностью впервые внутри что-то сказала: «Я чувствую». Это и было моё настоящее рождение – не тела, а себя.

Голод – вот что я запомнила сильнее всего.

Не тот, что заставляет скулить и искать, а другой, тихий, обволакивающий, который не просит, а просто стирает. Он медленно выключает тебя из жизни. Я была слабой, не успе-

вала к молоку, не могла пробиться. Никто не помогал. Мы просто лежали в углу, медленные, как будто нас уже начали стирать, строка за строкой.

Мама была рядом, и я прижималась к ней не ради еды, а ради её тепла, ради её «просто быть». Может, она пыталась подтолкнуть нас ближе. Может, знала, что нас осталось трое. Молоко текло медленно, густо, как грусть, которая не спешит уходить.

Я была трёхцветной – чёрный, белый, рыжий. У биглей это считается красивым, «правильным» окрасом, подходящим под стандарт. И я думаю, может, именно это меня и спасло. Не моя живучесть, не сила, а рисунок на шкуре. Может, я подошла по цвету, как вещь в витрине.

Иногда мне кажется, что выживают не те, кто сильнее, а те, кто вписывается в чей-то образ.

И что, возможно, это правило не только для собак.

Ты учишься быть удобным. Чтобы не выбросили. Чтобы не сказали «слишком шумный», «слишком странная», «слишком чувствительная» – просто «слишком».

Ты присматриваешься, пытаешься понять: кого здесь выбирают, кого оставляют? И думаешь: может, если я стану тише, или ярче, или нарисую на себе правильные пятна – тогда и меня оставят. Но в этом стремлении «подойти» есть опасность – легко потерять себя. Настоящего. Того, кто помнит, как было до страха, до сравнения, до того момента, когда стало страшно быть «не тем». Того, кто когда-то дышал в общем ритме и знал, что он – часть чего-то целого. Даже если давно кажется, что ты один.

Если ты читаешь это – значит, ты уже остался. Уже здесь. А значит, что-то в тебе выстояло. Не потому что ты был сильнее, а потому что не исчез. Это уже победа. Остаться – это тоже навык. Не громкий, не героический. Просто остаться. И слышать – себя, тех, кто рядом, и мир внутри. Даже если всё тихо. Особенно – если ты до сих пор чувствуешь, что когда-то, где-то, всё пошло не так.



Глава 2. Там, где стало пусто

Когда нас осталось трое, мы не стали ближе.

Мы стали тише. Трое – это не стая. Это не «вместе». Это «рядом, но каждый сам по себе». Мы росли: открывали глаза, учились стоять на лапах, набирать вес, обретать тела, которые ещё не умели слушаться. Я, сестра и брат. Мы играли, как могли – валялись в куче, кусали друг друга за уши, гонялись, падали, виляли хвостами так, будто всё в порядке.

Мы лаяли не от страха, а от чистой, щенячьей радости. Но стоило залаять чуть громче – в нас что-то летело. Тяжёлое, пахнущее человеком. Они называли это тапками.

Мы не знали, что такое злость. Для нас любой резкий звук был продолжением игры, как толчок лапой или лёгкий укус за ухо. Когда они резко махали руками или шагали на нас, мы думали – хотят поиграть, и только веселились сильнее. Подскакивали, виляли хвостами, цеплялись за их штанины нашими маленькими, но уже острыми молочными зубами, тянули ткань, роняли на пол тапки. Мы думали, что дарим им радость, а, кажется, отнимали у них что-то нужное – их покой, их тишину, их привычный порядок. Когда холод заставлял нас поджимать лапы, и из горла вырывался тонкий, рваный писк, снова что-то летело. Не всегда больно, но всегда неожиданно – с таким звуком, что тело дёргалось ещё до удара. Мы прятались в мамину шерсть, вжимались носами в её бок, но и она не была в безопасности. Ей доставалось просто за то, что лаяла, за то, что оставалась собакой, за то, что напоминала: она живая и у неё есть голос. И, наверное, именно это бесило их сильнее всего – что собака не просто тёплое тело в углу, а существо, которое говорит: «Я здесь», даже когда её никто не хочет слышать.

Люди кричали друг на друга часто, громко и без пауз. Мы не понимали слов, но чувствовали накал, как жар от печки. И странно – этот шум нас убаюкивал. Мы засыпали под крики, не потому что они были ласковыми, а потому что они были живыми. Настоящими. Но всё равно оставалось непонятным: почему им можно шуметь, а нам – нет? Почему их гром – естественный, а наш – наказуемый? Очень быстро мы усвоили простое правило: не важно, что ты чувствуешь. Важно, чтобы ты не мешал. Не выделялся. Не жил слишком громко.

Однажды нас просто взяли – и вынесли в сарай. Без предупреждения, без объяснений, без взгляда в глаза. Чужие руки подхватили нас за шеи, как ненужные вещи, и перенесли туда, где воздух уже пах не домом, а сыростью и железом. Может, их утомил наш лай. Может, наш писк царапал им уши. А может, мы напоминали им о чём-то, от чего они старались отгородиться, как от сквозняка, – что-то слишком живое, слишком требующее. Мы не знали. Мы просто были. Дышали, шевелились, пытались говорить по-своему – короткими звуками, взглядами, хвостами, которые предательски выдавали каждое чувство.

Я ещё не знала слова «одиночество». Но его запах я узнала мгновенно – сухой, пыльный, с приторной примесью старого сена и забытого времени. Оно оседало на шерсти, как мелкая паутина, липло к лапам, делало воздух густым, как кисель, которым тяжело дышать. Я была здесь, в этой новой тишине, но одновременно как будто между – ни там, ни тут. Меня просто терпели, как терпят капающую трубу, которую лень чинить.

В сарае пахло сеном, металлом и кем-то большим. Позже я узнала – это были лошади. Огромные, с длинными шеями, тяжёлые, медлительные, как горы, которые дышат. Их низкий, глухой рык перекатывался по доскам, будто по полу катился далёкий гром. Не злобный, не угрожающий – просто напоминание, что они есть. Если их не трогать, они оставались спокойными, словно могли стоять веками. От них шёл запах травы и тёплого солнца, запутавшегося в шерсти. Этот запах был честным, чистым, без примесей, какими всегда отдаёт человек. Они жевали медленно, как будто во всём мире не существовало причин торопиться.

Лошадей выпускали. Нас – нет. Мы жили в железной клетке. Холодной, пустой, с голыми стенками, которые звенели, если случайно задеть лапой. Еду ставили туда же – сначала маме, потом нам. Это место не было домом. Это была граница. Негласное, но жёсткое правило: «сюда можно, дальше нельзя». Мы уже умели ходить, даже бегать – криво, неуклюже, но всё же могли. Нас не выпускали. Не из ненависти – из страха. Мы были маленькими, но главное – ценными. Породистыми. Биглями. Нас не любили. Нас берегли. Как хрупкий товар, который нельзя разбить, но и нельзя трогать без надобности.

Нас не слушали, но и не отпускали. Не обнимали, но и не отдавали. Мы были не живыми существами, а потенциальными. Не теми, кто мы есть, а теми, кем мы могли бы стать – продаваемыми, подходящими, готовыми. А пока – не мешай.

А потом было окно. Сквозь него виднелось что-то голубое. Это был не просто цвет. Это было пространство. Воздух. Я тогда не знала, как это называется. Потом узнала – небо. Днём оно было ярким, зовущим. Ночью – тёмным с россыпью тусклых точек. Их хватало, чтобы разглядеть маму, брата и сестру, спящих лошадей, их медленное жевание, их тишину. Верёвки на стене. Ржавчину на ведре. И это липкое, вытягивающее силы ожидание, которое было во всём.

Я смотрела на небо, а потом закрывала глаза, будто унося его кусочек внутрь. И во сне я летела. Я не знала слова «птица», но во сне я уже не была собой. У меня были крылья, и я поднималась – выше, дальше, над крышами, над криками, над тапками, над забором. Там я могла петь, кричать или молчать. Просто быть.

Наверное, тело помнит полёт, даже если родилось ползать. Даже с лапами вместо крыльев оно знает: свобода существует. Я не знала слова, но чувствовала его.

Думаю, именно тогда я начала расти. Не вверх, а вглубь. Потому что полёт – это не про высоту. Это про то, сколько воздуха ты можешь удержать в себе, прежде чем мир снова прижмёт тебя к полу.

Я просыпалась, и всё вокруг оставалось неизменным – та же клетка с железным звоном прутьев, тот же холод, который медленно просачивался под шерсть, те же голоса, доносящиеся оттуда, где мы не имели права быть. Но внутри уже появилось что-то новое – тонкое, едва уловимое, но упрямое направление, тянущее вверх. Я знала: где-то там есть что-то настоящее, недоказуемое, необъяснимое, но при этом более реальное, чем всё, что окружало меня. И, может быть, пока я просто лежала на жёсткой тряпке, молча, незаметно, не мешая никому и ничему, я уже училась самому важному – не бояться мечтать, даже если твои границы нарисованы чужими руками; не бояться чувствовать, даже если никто не слушает; не бояться быть, даже если ты не из тех, кого выбрали.

Потому что есть небо, и оно всегда больше клетки.

Глава 3. Там, где начинается зов



Четыре недели. Месяц. Мы уже не просто дышали – мы жили. Неуклюже, шумно, неуверенно – но по-настоящему. Лапы крепили, бег становился увереннее, лай громче. Мы чувствовали, искали, играли, кусались, падали, поднимались и снова пробовали понять этот странный язык – зубов, лап, взглядов.

Всё внутри нас росло – быстро, жадно,
без спроса. В месяц ты уже не слепой комок,
но и не полноценный зверь. Ты видишь, слышишь, ходишь, но всё ещё держишься за маму. Тело дрожит, не слушается. Ты падаешь. С усилием поднимаешься. И снова падаешь. Мир огромен. Он пахнет едой, телами, сеном, ржавчиной. Слишком много запахов – и ни один не зовёт прямо.

Бывало, я просыпалась – и понимала: тело стало другим. Будто за ночь внутри что-то сместилось. Стало тяжелее, плотнее, живее. В лапах звенело – как в струнах, натянутых до предела. Мышцы отзывались не сразу, с задержкой, как будто проверяли, можно ли им доверять. Хвост двигался сам по себе – подрагивал, вырисовывал в воздухе линии, которых я не просила. Живот будто становился магнитом – тянул к полу, к земле, к чему-то древнему, а потом резко отскакивал вверх, будто тело само выбирало: ползти или лететь. Я не росла в привычном смысле. Я не становилась просто больше. Я становилась цельнее. Как будто что-то разрозненное во мне начало собираться воедино: движение, дыхание, голос, желание. Я начинала ощущать себя не щенком, а существом. Отдельным. Настоящим.

Мы играли не ради веселья, а чтобы учиться. Как укусить – не озлобив. Как увернуться – не подставившись. Как отползти – не показав слабость. Брат и сестра учили меня молча – тычками, толчками, нелепыми кувырками. Один раз я влетела мордой в стену – и запомнила. Игра была тренировкой. Репетицией чего-то, что уже подходило. Близко.

Мама кормила нас всё реже. В самом начале – чуть ли не круглосуточный молочный бар, без выходных и очередей. Мы набрасывались на неё, как голодные комары, пищали, толкались носами, а она лежала и терпела – как будто знала: недолго осталось. Щенки вообще-то едят до восьми раз в день, особенно в первые недели. Почти как младенцы, только с ушами и хвостами. Но к четвёртой неделе, когда у нас уже появлялись зубы и характер, мама начала постепенно сворачивать бизнес. Лежала рядом – но уже не как подушка с завтраком, а как фон. Тепло было, но без бонусов. Иногда она накрывала нас телом, когда хлопала дверь, – как бронезилет с ушами. Иногда просто смотрела в стену, в ту самую щель, через которую потом я буду глядеть в тёмное.

Не злилась. Не жалела. Просто отступала. Меньше лизала, меньше дышала на нас. Как будто тренировалась отпускать. Потому что понимала: скоро нас заберут. И это уже будет не её история.

А наша.

Иногда еда была странной. Не мамина. Без запаха, без тепла, без смысла. Мягкая – но мёртвая. Как будто кто-то пытался нас накормить симуляцией заботы. Её клали в миску – и уходили. Без слов. Без взгляда. Это был первый урок: дальше всё будет вот так. Через предметы. Через руку, которая не задерживается. Через «вот тебе» вместо «я рядом».

И на этом фоне мама – с её молоком, лизанием, тихим дыханием – начинала казаться чем-то из другого мира. Почти волшебной. Хотя, если честно, её волшебство тоже таяло. Молоко – реже. Контакта – меньше. Как будто она понимала: нас не просто подкармливают. Нас заменяют. И ей пора отпускать. Вчера мы висели на ней, присосавшись, как штепсели к розетке. А сегодня – уже тренируемся жевать без привязанности. И мамина забота тихо отступает, как фоновая музыка, которую убавляют, чтобы включить чужой голос.

Люди были рядом. Громкие, резкие, неясные. Их голоса – как грозы: даже если не тебе, всё равно цепляют. Мы замирали не от страха, а по наитию. Мы чувствовали ритм – когда можно двигаться, когда нельзя дышать. Я училась быть тенью. Не потому что боялась. Потому что иначе – никак.

Я уже бегала. Неровно – но быстро. И чувствовала: внутри появилось острое. Будто ток в лапах. Будто нос сам ведёт. Я чуяла. Я искала. Меня тянуло к запаху, к движению, к шуму. Я не знала, что это. Но уже была охотничьей. Не по родословной – по нутру.

Это включалось во мне, когда кто-то пролетал мимо. Когда падал предмет. Когда ветер приносил чужой запах. Я замирала. Дышала негромко. Всё тело вставало в позицию – раньше, чем разум. В эти моменты я становилась настоящей. Настоящей настолько, что это пугало.

Но этой силы было мало. Она оставалась внутри. А снаружи – всё ещё была дверь. И за ней – то, что звало.

Я видела обрывки: свет, зелень, копыта.

А остальное достраивала. Там – был двор. Поле. Воздух, в который можно врезаться бегом. Место, где не держат – отпускают. Где можно бежать столько, сколько хватает дыхания, и никто не зовёт назад. Там были лошади – большие, спокойные. Там была трава – живая, не высушенная, не связанная. И я знала: это не просто пространство. Это – жизнь.

Человек приходил. Приносил еду, воду. Иногда касался – быстро, будто случайно. А мне хотелось большего. Не еды – прикосновения. Не заботы – присутствия. Хоть один раз – чтобы коснулись не потому, что надо, а потому что хочется. Чтобы кто-то подошёл ко мне не потому, что я породистая.

А потому что – я.

А когда он уходил, я закрывала глаза. И начиналось самое главное.

Мне снились поля. Широкие, качающиеся под ветром. Трава была не просто зелёной – она дышала. Я неслась по ней, распластав лапы, с раскрытой пастью. Ветер бил в морду.

Всё тело знало: это не игра. Это – я.

Мне снились цветы. Я не знала их названий. Но знала: они пахнут смыслом. Не сладко. Не красиво. А глубоко. Как будто каждый запах что-то открывал – моё.

И снился воздух. Да, сам воздух. Он был видимым. Синим. Почти золотым. Двигался, как чьё-то дыхание. Он обтекал меня, касался мягко, жил рядом. И я чувствовала: он меня знает. Он зовёт. Он ждёт.

А потом я просыпалась. Под лапами – металл. Стены. Миска. Ни капли того воздуха из сна. Только память. Неутешная. Или – обещающая.

Я была щенком. Месячной. Но внутри уже знала: я появилась не просто так. Не чтобы быть послушной. Не чтобы быть проданной. А чтобы идти. Искать. Жить. Где-то там, за дверью, за ржанием лошадей, за звуками и их отсутствием – было моё. Не клетка. Не миска. А место. Где не держат – ждут. Где не продают – узнают.

И, может, уже тогда, среди запаха сена, железа и редких касаний, я догадывалась: в этом огромном шумном и странном мире есть кто-то. Один. Мой.

Не тот, кто возьмёт по приемлемой цене за породу. А тот, кто почувствует, что я – это я.

И он придёт.

Глава 4. Собаки, живущие на луне



Сначала были только щели. Такие узкие, что в них помещался только взгляд. Но даже через эти щели мир снаружи выглядел как обещание.

Мы смотрели, как через замочную скважину в другой мир – но чем дольше смотрели, тем больше становилось. Потому что нам обещали свет, а давали пыль. Обещали простор, а вырастали стены. Щели не выпускали – они дразнили. И чем больше ты хотел наружу, тем сильнее чувствовал, что пока ты никто. Там всё было – свет, трава, простор. А у нас – стены и сено. Но однажды, без предупреждений и слов, щели стали дверью. Нас выпустили. Мы уже были не те, что в первые дни. Щенок за два месяца меняется больше, чем человек за год. Это правда. У нас всё быстро: лапы растут, зубы меняются, уши встают. То, что ребёнок переживает к полутора годам, мы проживаем к восьмой неделе. Поэтому мы многое понимали, но по-своему – и лишь чуть-чуть.

Но чувствовали – как взрослые. Даже если сами были комочками шерсти с ушами.

И вот, нас выпустили из сарая.

Луг оказался больше, чем мы могли представить. Он был как океан без воды – зелёный, живой, колышущийся. Когда бежишь по нему, кажется, что трава расступается, как волны.

Иногда она хлестала по морде, как мокрая верёвка, и в нос лезла пыльца, отчего чихалось и всё становилось ещё веселее.

Мы играли в погоню, в схватку, в исчезновение. Иногда прятались и замирали, пока кто-нибудь не рванёт – и всё снова взрывалось движением. Это были не просто игры. Это было обучение. Мы учились жить. Учились телом, без слов. Где можно бежать, а где надо остановиться. Как пользоваться лапами, зубами, голосом.

Мы росли каждый день. Утром – одно, к вечеру – уже другое. Лапы вытягивались, шея крепла, голос становился громче. У кого-то уже начали резаться новые зубы, и он грыз всё подряд. Кто-то научился переворачиваться в прыжке. А кто-то – это была моя сестра – впервые выл. Тихо, долго, как будто она пела лугу. И луг, кажется, слушал. Слово «свобода» мы ещё не знали, но тело знало. Оно рвануло первым. Вгрызлось в луг, как в кость. Земля пахла сыро и дерзко, трава щекотала, душила, царапала, лепилась к щекам, будто живая. Цветы лезли в глаза и уши. Не нежность – нападение. Жизнь не целовала – толкала в спину, щипала за бока, хватала за лапы. А мы смеялись. Мы орали. Мы катались в этом ярком и пронзительном – как будто кто-то открыл воду и забыл выключить. Солнце било по спинам, комары жрали уши, но всё было правильно.

Сестра смеялась громче всех. Самая мелкая, но всегда первая. Та, что прорывается. Даже если потом спотыкается.

Ночью нас снова загоняли в сарай. Дверь скрипела, как будто извинялась. Но страх выгорел. Мы падали в сено, как в обморок. И проваливались – не в тьму, а в небо.

Я летала. Над лугами, над сараем, над мамой. Над собой. И потом – к луне.

Она была огромной. Как морда без шерсти. Как глаз, что всё видит. Не добрая. Умная. Страшная. Улыбалась – так, как улыбаются те, кто знает, как заканчиваются сказки. Но я ей верила. Потому что она не врала. Просто смотрела. Всё понимала. Не мешала.

Так было несколько дней. День – как глоток. Ночь – как сон с крыльями. И вдруг – утро. Холодное, сырое, с паром от земли. Мы вылетели из сарая гурьбой, как из пушки. Сестра – тоже. Я видела, как она подпрыгивала, кусала брата за хвост, визжала от счастья. А потом кто-то толкнул меня, я обернулась – и всё. Её не было.

Мы подумали – отстала. Догонит. Она же всегда догоняла. Но она не догнала.

Не вынырнула из травы. Не захохотала сзади. Мы звали. Возвращались назад. Прислушивались. А в ответ – ветер.

Мама зарычала. Почти беззвучно.

Мы обошли весь луг. Вернулись к сараю. Её не было.

Потом вышел человек. Посмотрел. Хмыкнул.

Сказал: «Опять потерялась. Да что ж вы такие...» – и ушёл. Ни злости. Ни тревоги. Просто раздражение. Как будто тапок потерял. Потом всё-таки взял фонарь и пошёл в сторону леса. А мы – к щелям в досках. Замерли. Дышали в щели.

Выглядывали. Вернётся ли он. Может, с ней. На руках. Или просто выглянет и крикнет: «Нашёл!»

Мы ждали. Долго. Очень. В сарае не дышалось. Мы молчали. Прислушивались. А потом он вернулся. Один. Сел. Покурил. И ушёл. А день пошёл, как всегда. Только у нас внутри нет. У меня – нет.

Я не знала слова «трагедия». Я знала только, что что-то холодное провалилось внутри и не выходило. Как будто кто-то выключил часть меня. Я была щенком. Но внутри стало пусто. И грустно так, как будто грусть – теперь моя шерсть. Мы с сестрой были как две лапы. Я дышала ею. А теперь – воздух режет. Я бегала до боли. Искала. Кричала. До срыва. До того страха, который молчит. Не орёт. Просто глушит внутри всё.

Люди что-то говорили.

«Наверное, лиса», – сказал один.

«Да не, волки тут ходили», – сказал другой.

«Может, капкан», – пожал плечами третий.

Как прогноз погоды. Равнодушно.

Никто не искал. Никто не звал.

Я не знаю. Волк? Лиса? Капкан? Яма? Человек? Мы не узнаем. Остались только мы: я, брат и мама. Как будто кто-то вырвал кусок, и мы сжались втроём, чтобы не развалиться. Мы стали тише. Меньше. Но ближе. Осталось только пустое место в траве. И ощущение, будто часть тебя откололась и ушла. Без крика. Без следа.

Сейчас думаю: может, она не исчезла. Не вся. Может, что-то осталось – спряталось в шелесте травы, в шорохе ветра, в холодной улыбке луны. Иногда вижу чужого щенка – и будто он смотрит на меня её глазами: чуть настороженно, чуть с вызовом, как будто знает обо мне больше, чем я о нём. Иногда слышу дыхание в кустах – тихое, прерывистое – и сердце делает паузу, как в те секунды, когда она была рядом. Я помню, как она дышала: как будто считала секунды, чтобы успеть всё. И мне до боли хочется верить – она всё ещё где-то есть. Просто в другом теле. В другой форме. В другой тишине.

Луна всё ещё висит над головой – круглая, как полная миска, только недосыгаемая. Я смотрю на неё и думаю: может, там, на обратной стороне, тоже есть собаки. Особенности. Те, кого уже нет здесь. Они бегают по облакам, а облака там – не холодная вата, а мягкая, тёплая, чуть пружинящая земля, которая никогда не режет подушечки лап. Там не нужно искать миску – она всегда рядом и полная. И воду не приходится вылизывать из лужи, потому что ручьи там сладкие, как молоко. Там нет сквозняков и крика. Там сон глубокий, как объятие, и никто не дёргает за шкуру. Там лапы никогда не устают, страх не знает к тебе дороги, а человек – сразу свой.

Может, моя сестра теперь там – на обратной стороне луны. И, может быть, впервые за всё время просто живёт, а не выживает.

Мысль не как утешение, а как правда. Страшная, но своя. С этим было чуть легче дышать. Я перестала всматриваться в каждый шорох – вдруг это она. Перестала ждать. Жизнь тихо вернулась в старое русло: бегали, ели, спали, иногда даже смеялись по-собачьи, вполголоса. Но это было как после сильного удара – когда тишина уже вернулась, а звон в голове всё ещё есть.

Глава 5. Укус ради жизни

Вот она – маленькая я, восемь недель жизни за плечами. Вся моя вселенная умещалась в три вещи: тепло маминого бока, дыхание брата и запах от высохших на шерсти капель молока.

Мир ещё не предал, но уже шепнул: бойся клетки.

И вот пришли люди. Те самые, о которых мы слышали в запахах и в звуках, которых ждали, как перемену погоды – не как угрозу, а как что-то, что всё изменит. А для щенка любая перемена – это шок. Даже если она пахнет ласково.

Сначала всё было как в сказке. Их руки – мягкие, тёплые, как у мамы, только чужие. Я замирала под их пальцами, будто впервые узнала, что значит быть важной. Я думала: вот сейчас начнётся игра. Начнётся жизнь. Но они – бац – и застегнули на нашей шее что-то. Галстуки? Нет. Ярлыки. Как на товарах. Только товары не дрожат от предчувствия.

Потом клетка. Опять. Слово, которое щенок учит как мат. У неё есть звук – лязг замка, вкус – железо на зубах, чувство – ты внутри, мир снаружи.

И ты уже не собака. Ты груз. Мы были вместе – я, брат, мама. Только мама уже смотрела в сторону, не говорила, не лизала. Как будто прощалась заранее.

Машина тронулась. Сначала мы визжали и толкались, подпрыгивая на кочках, будто это новая игра. Каждая ямка была как прыжок в воздух, каждый поворот – как танец.

Казалось, что нас везут к чему-то хорошему. Мы даже смеялись по-щенячьи – коротко, прерывисто, от возбуждения.

Но веселье выдохлось быстро. Прыжки стали бить в кости, толчки – выворачивать лапы. Мы перестали скакать и стали прижиматься друг к другу, ловя тепло и запахи, чтобы не потеряться. За окном что-то мелькало, но мы не знали, что это и зачем. И чем дальше ехали, тем громче внутри становился один-единственный вопрос: «Куда?»

Сначала он был тихим, как шёпот, который легко заглушить смехом. Но с каждой минутой он распухал, тяжелел, как камень в животе. Мы перестали смотреть по сторонам.

Осталась только качка, железный запах клетки и стук сердца в ушах. Я чувствовала, как брат дышит быстрее, мама – тише. И чем тише становилось её дыхание, тем страшнее было мне. Потому что я поняла: мы едем не к чему-то. Мы едем от чего-то.

И вот это «от» было страшнее, чем всё, что могло ждать впереди.

Когда машина остановилась, нас вытаскивали по одному. Я была первой. Не пошла – меня понесли. Держали осторожно, как что-то хрупкое. Как стеклянную игрушку, которую боятся уронить и разбить. Но в их руках не было тепла – только расчёт.

Здание встретило меня запахом – чистым, до звона в носу, как будто мята скрестилась с железом. Свет ударил в глаза, режущий и равнодушный. Воздух был чужой, без запаха жизни, стены – гладкие, холодные, как будто их никогда не касались лапы. Там ещё не пахло болью. Но она стояла в углу, тихая, терпеливая. Её можно было не видеть – но я чувствовала её каждой косточкой. И чем ближе мы подходили, тем отчётливее понимала: она ждёт именно нас.

Сначала всё было как в мультике. Люди в халатах приходят, улыбаются, чешут нас за ушами, подкидывают, как будто мы не щенки, а мягкие игрушки. Нам дают понюхать свои руки, разговаривают с нами странными голосами, трогают мягко, не пугая. Потом – начинают осматривать. Заглядывают в рот – проверяют зубы. В уши – светят фонариком, щёлкают языком. Потом лапы, пузо, шерсть. Кто-то щёлкает ручкой, кто-то пишет в бумагу. Мы всё ещё верим, что это игра. Немного странная, но добрая. Мы думаем: вот, нашли своих. Эти будут с нами всегда. Мы – любимчики.

Но нет.

Потом – укол. Резкий, острый. Я взвизгнула. Дёрнулась. А меня держат. Сильно. Не с ненавистью. Просто чтобы не мешала. Ещё один укол. Потом что-то горькое в рот. Я пыталась вырваться, пыталась понять. За что? За что сначала гладить, а потом вот так? Это и есть любовь? Это и есть забота?

Потом – фанфары. «Поздравляем, щеночек! Первая вакцинация!» Как будто я выиграла медаль за выживание. Только приз – страх.

А потом настала очередь брата. Я смотрела, как он кричит, и чувствовала его боль, потому что она была ещё во мне. Щенки не умеют быть равнодушными. Мы одно целое. Бьёшь одного – болит у всех.

Когда всё закончилось, нас снова посадили в клетку. Я была тише воды. Запах этой клиники врезался в память – химия, стерильность, фальшивая доброта. С тех пор, где бы я его ни чуяла, сердце било тревогу.

Машина повезла нас обратно. Дорога уже не казалась приключением. Мы молчали. Мама всё так же смотрела в сторону. Брат сопел носом. Я смотрела сквозь прутья и не знала – верим ли мы ещё в добро или уже нет. Вернули нас в наш сарай. Сырой, пахнущий сеном и тоской. Мы вышли оттуда как щенки с надеждой, а вернулись – другими. Понимающими. Молчащими.

...А теперь, когда меня нет, когда моё тело стало пеплом, а голос – только в чьей-то памяти, я понимаю. Это была не пытка. Это была защита. Прививка – это укус, который спасает от укуса смерти.

Ты можешь любить щенка до слёз, спать с ним, кормить от сердца, но если не сделал прививку – ты оставил его без шансов. Болезнь не спрашивает, как ты называешь своего пса. Она приходит быстро.

И если нет щита – щенок уходит. И остаётся только пустая миска и фраза: «А мы не думали, что всё так серьёзно».

Вот вам напутствие от той, кто прошла через всё и выжила. Щенку *обязательно* нужны прививки. Против чумки. Против бешенства. Против парвовируса. Не один укол – а целый график. И не потому, что ветеринары наживаются. А потому что смерть – реальна. Прививка – это минута страха, чтобы были годы жизни. Это ужас – чтобы потом не было кошмара.

Собака не поймёт, зачем ты ведёшь её в клинику. Не поймёт, зачем боль. Но ты пойми. Ты – её всё. Её броня. Её мозг. Её шанс. Сделай это за неё. Сделай правильно. За тех, кто не дожил. За себя. За меня.

Потому что вера может умереть. Но жизнь – ещё может остаться...

Мы растём быстро. Щенки не живут в паузах – мы всё впитываем, всё проживаем как ураган. Но я, как всегда, люблю засыпать. Особенно после таких дней. После этих странных людей, запахов и первого укола в жизни. Надеюсь, что мои полёты во сне сотрут этот болезненный опыт. Может, я снова буду бегать по лугу. Может, брат будет рядом, и мама не будет молчать. Может, мир снова станет добрым. Хоть во сне. Пусть хоть там мне не нужно будет бояться уколов.

Глава 6.

Выученная ласка

Могла ли я тогда подумать, что после прививки придут люди? Что этот жгучий укол, от которого я взвизгнула, окажется ключом от дверей, о которых я даже не знала. Будто повернули замок – и я попала в новое, странное пространство. Оно было шумным и пахло чужими руками. Сначала – страх неизвестности, потом – кастинг. Нас с братом щупали, вертели, заглядывали в пасть, в уши, под хвост – как будто не живое существо берут, а коврик для прихожей выбирают. Кто возьмёт, кто передумает, кто оставит деньги, словно за пробу.

Мы – товар. У нас лапы, хвост, шерсть, но мы всё равно – товар. Это я поняла быстро. Очень быстро.

Мы были витриной из двух тел и двух надежд. Один уйдёт – другой останется. Каждое утро мы просыпались в сарае, пропитанном сеном и ожиданием, и ждали: кого выберут сегодня? Нас гладили, тискали, смеялись, переговаривались взрослыми голосами, иногда – шёпотом, как будто решали судьбу. Мы старались быть хорошими. Очень хорошими. Потому что вдруг – сегодня?

И я всё думала: а у людей как? Их детей тоже выбирают? Вот так же ставят в ряд и ходят вокруг, разглядывают, щёлкают языком, шепчутся: «Этот ничего, глаза светлые. А у этого улыбка шире. Этот, наверное, весёлый. А вот этот... ну, не знаю, как-то уши торчат». И потом кто-то решает: «Этого возьмём, а этого нет».

Представила, как маленьких людей трогают за щёки, заглядывают в рот, проверяют, как хвост... ой, простите, спину держит. И всё это под прибаутки: «Ну, этот – на диван, этот – во двор, а этот – в хорошие руки». Наверное, страшнее, чем прививка. Потому что укол – раз и всё, а тут ведь надо стоять, улыбаться, нравиться... и всё время гадать, не пройдут ли мимо. Ну ладно, это у людей, пусть сами разбираются со своими выборами.

А у нас всё проще. Мы – бигли. А это значило, что мы не просто «милые». Мы – предназначенные. Порода с прошивкой «Для чего ты нужен». Для охоты – если у тебя нюх острый и ноги быстрые. Для выставки – если шерсть блестит и прикус как по учебнику. Для разведения – если ты девочка, и твой живот кому-то принесёт прибыль. Я слышала эти слова. Слышала, как нас обсуждали, словно мы детали на складе: «этот – туда, этот – сюда». Но не понимала, что лучше. Быть машиной для щенков? Игрушкой на подиуме? Солдатом в лесу? Я просто хотела быть чьей-то.

И вот выбрали брата.

Пришли люди – шумные, в разноцветных куртках, с запахом улицы и чего-то сладкого, липкого, будто только что ели мороженое на бегу. Дети – двое, но визгу хватило бы на целый школьный двор. Сначала ахнули, а потом кинулись к нему, как будто он был их давно потерянная игрушка, которая вдруг ожила. Он даже всхлипнул от счастья, захлебнулся этим вниманием. Они тискали его так, что шерсть у него встала клоками, целовали в нос, визжали, перебывая друг друга. А он – вилял всем телом, от ушей до хвоста. Он всегда был светлее, игривее, как будто внутри у него лампочка. И в тот момент он был для них – самый подходящий.

– Спарки! – закричали они. – Мы назовём его Спарки!

Имя. Настоящее. Не «щенок», не «мальчик», не «этот рыженький». А имя, в котором есть выбор, признание, принятие в стаю. Они смеялись, повторяя его, пробуя на вкус, а он мгновенно согласился. Потому что умел верить.

Я смотрела, как его несут. Он ещё оборачивался, но уже принадлежал им. И я радовалась за него. По-настоящему. Так, что даже хвост предательски дёрнулся. И в то же время – завидо-

вала. До стиснутых зубов, до горечи под языком. Хотелось, чтобы позвали и меня. Не породу, не роль, не «под щенков» или «на диван». А чтобы позвали – меня.

В ту ночь в сарае пахло пустотой. Такой, что даже солома казалась холодной. Брата не было. Совсем. Только запах остался, вмятый в сено, как эхо его тела. Я свернулась клубком в том самом месте, где он обычно спал, и прижалась носом туда, где ещё теплится его след. Не плакала. Щенки не плачут – не потому что не умеют, а потому что не знают, кому это показать. Я просто слушала – тишину. Себя. Одиночество.

Я представляла, какой у него теперь дом. Я не знала, что такое «уют» или «семья», но пыталась вообразить. Может, у него теперь есть мягкая лежанка? Может, его кормят из красивой миски? Может, он бегает с детьми по зелёному двору и ловит мяч, и все смеются, и никто не кричит «фу» или «уйди»? Я надеялась, что его гладят каждый день. Что у него теперь – своё место. Что его зовут по имени, и он откликается, счастливый.

И где-то там, в этой надежде, было и то, чего я не говорила даже себе: я хотела, чтобы он был счастлив – навсегда. Чтобы играл с ними до самой смерти. Без боли. Без разлук. Без клеток.

Но от этой мысли я почувствовала себя более одинокой. Так, наверное, чувствуют себя только люди. Но они не признаются. А мы – не умеем прятать.

Я долго не могла заснуть. В голове крутились обрывки воспоминаний, каким он был. Весёлым. Быстрым. Легко шёл к людям, легко им верил.

Он умел нравиться. Его все сразу хотели потрогать. Я вспомнила, как он вилял хвостом, не просто в стороны – а вверх, чуть с поворотом, как будто рисовал в воздухе «я свой». Как он слегка поднимал уши, когда кто-то говорил высоким голосом. Как делал тот самый щенячий взгляд – снизу вверх, с лёгким наклоном головы. Будто говорил: «Я понимаю тебя. Я уже твой».

На следующее утро я попробовала делать всё так же. Не быть собой – быть им. Его мимика, его реакция, его походка. Даже виляние хвостом я старалась скопировать точно – по траектории, по ритму. Я надеялась, что это поможет. Что если я – как он, значит, меня тоже заметят. Тоже выберут. Тоже дадут имя.

Но копировать – это как лаять в пустоту. Эхо возвращается, а ты всё равно одна.

Стать «правильной». Я сделала всё, как училась ночью. Подбежала в нужный момент, не слишком резко, но с азартом. Виляла активно, но не назойливо. Села красиво, как брат – чуть на бок, будто случайно, будто я такая всегда. Посмотрела снизу вверх – взглядом, который говорит: я своя, я уже твоя, просто скажи слово.

Женщина улыбнулась. Мужчина наклонился. Их запахи приблизились, сердце забилось быстрее. Я уже почти слышала, как меня зовут. Почти... Но потом – они пошли дальше. Просто. Мимо. Как будто я – картинка, которую полистали и перелистнули.

Я осталась сидеть. Хвост ещё двигался – по инерции. Как стрелка на выключенном компасе. Я смотрела в спину уходящим. И внутри что-то упало.

Не громко. Не драматично. Просто – перестало дышать. В тот момент я впервые поняла: можно очень стараться. Притворяться. Быть «удобной», «милой», «как надо». И всё равно остаться в клетке. Не потому что ты плохая. А потому что – не подошла. И это было больнее всего. Не быть плохой. А быть – лишней.

Тогда я впервые подумала: а если быть собой не хватит? А если всё, что во мне живое, настоящее, честное – не нужно никому?

От этой мысли стало по-настоящему страшно. Потому что даже щенок чувствует: если ты перестала быть собой, старалась, гнулась, подстраивалась – и всё равно осталась в клетке... тогда ты остаёшься одна. Совсем. Без роли. Без надежды. Без себя. Потому что любовь, которую нужно вымолить, – это не любовь.

А ещё я поняла, как быстро можно исчезнуть. Просто... перестать быть. Когда хочешь нравиться. Когда играешь. Когда всё делаешь правильно – но уже не от себя, а от страха. Внутри становится тихо. Очень тихо. Как будто ты сама от себя отвернулась. Чтобы выжить.

Так я и училась. Не командам. Не трюкам. А выученной ласке.

Искусству быть удобной. Чтобы не прогнали. Чтобы не забыли. Чтобы просто – остаться. Но в глубине, где ещё тлела та, настоящая я, всё равно жила мысль – как огонёк под кожей: может, в следующий раз выберут меня.

Настоящую. И тогда... может быть... имя достанется мне. С голосом. С теплом. С навсегда.

Глава 7. Начало

Сколько дней прошло? Пять? Десять? Или целая жизнь, с тех пор как он ушёл?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.